

9 ЛЕТ ТРАГЕДИИ НЕФТЕГОРСКА

ДИАНА ЮРИНА

Девять лет прошло. Казалось, навсегда останется рвущая сердце боль. Но спасительное время заживает раны. Остаются только рубцы, которые всегда напоминают о пережитом. Навсегда остались они у депутата Сахалинской областной Думы Александра Стародубцева и главного специалиста организационного отдела областной Думы Натальи Расторгуевой — двух мужественных людей, в чью судьбу и память вошел Нефтегорск. С ними наша беседа, возвращающая в тяжелые, полные скорби дни и ночи после землетрясения.

ГОРЕ, ОТЛОЖЕННОЕ НА ПОТОМ...

А. Стародубцев. Колонна большегрузных кранов, которую я возглавлял, прибыла в Нефтегорск на третий день после землетрясения, в одиннадцатом часу ночи. Помнишь, Наташа? Ты была председателем поссовета, и тебя называли мэром Нефтегорска. Мне тогда пришлось довольно туго. Мы шли по окружной дороге, за что мне потом досталось, но некогда было объяснять, что прямая была вся в разломах, а по окружной колонна шла на скорости выше транспортной, 40 километров в час вместо 30, и прибыла вовремя. Горели два дома, вокруг бегали люди, пытались спасти близких. Сразу же развернули технику, поставили краны, расставили людей. Меня познакомили с полковником Суворовым, который возглавлял спасательные работы. Там я и встретился с Натальей Васильевной. Наташа, я подумал, что тебе гораздо больше лет. Такая почерневшая от горя женщина.

Мне хорошо запомнилась та тяжелая обстановка. И то, как работала Наталья Васильевна. Ей огромную тяжесть пришлось нести. Одиравшие собаки, коровы страшно мычат, возле разрушенной школы вертолетная площадка, постоянно разгружают медикаменты, продукты, их надо распределять. Разворачивают госпиталь, надо выбрать удобную площадку. Со всем этим — к мэру. Никто лучше ее не знал людей и обстановку.

Помню, на четвертый или пятый день вытащили ребенка из завалов. На него сразу мешок накинули, чтобы глаза не испортил. День очень яркий, а его из темноты извлекли, в которой несколько дней провлял. Потом открыли, он глазенки тарашит, а сказать ничего не может — шок. В таких случаях Наташа выкручала, она всех людей знала наперечет. Ты что смущаешься? Разве не так было?

Н. Расторгуева. Трудно сейчас вспоминать, события как-то отрывочные в памяти. Тогда же стресс огромный был, работали как автоматы. Ночь, темнотища. Все кричат, не знают, куда кинуться. Бегали на все дома, узнавали, кого завалило, кого не завалило, кого можно вытащить, кого невозможно. Ребята выгнали из гаражей автомашины, выносили на руках больных из больницы, загрузили их в автобусы. Вначале больных повезли на площадь Ленина, где сейчас мемориал. Потом мы посоветовались с Володей Бороденко и Андреем Глебовым, он сейчас в Южно-Сахалинске живет, и решили отогнать машины к двухэтажному дому, которые устояли во время толчков. Трясло ведь, мало ли что в центре могло произойти. Так всю ночь и бегали, вытаскивали, кого могли. А ближе к утру люди есть захотели. Нашли ребят из милиции, кто остался в живых, пошли

в столовую, чтобы взять продукты. Столовая одноэтажная, но наполовину завалилась. Набрали продуктов, воды. Я поставила Свету Корчагину и Нину Черняеву, чтобы раздавали людям. Во время паники один может впрямь набрать, другому не достанется, а надо было всех накормить.

Ближе к утру приехал участковый Виктор Новоселов из Сабо. Мы с ним переговорили, и он вернулся обратно, чтобы из Сабо сообщить о трагедии. В Нефтегорске вся связь была нарушена. В книге «Нефтегорск», а я ее больше десяти раз перечитала, написано, что в 10 часов прилетели вертолеты. В десять, об этом у меня есть своя запись, приехали Савочкин с Романовым (начальник «Сахалинсвязи» и главный инженер «Сахалинморнефтегаза») и установили телефон, по которому я и Валера Леконцев (он спустя три-четыре года умер) разговаривали с мэром Охи Ярулиным. Об этом нигде не упоминалось. Я сказала, что поселка нет, руководителей в живых тоже нет, из врачей остались только Игорь Свечников и три медсестры — нужна срочная помощь. Утром стоял густой туман, который разошелся ближе к обеду, тогда и прилетели вертолеты. У нас уже были приготовлены три вахтовые машины с пострадавшими, Игорь Свечников и медсестры Наталья Василиженко, Елена Суорова что могли сделали по оказанию первой помощи. Я нервничала,

что кого-то еще спасут из завалов, почти не было, но спасатели не останавливали работу. Все мы были в Нефтегорске до последнего дня, пока не стало ясно, что все — живых в завалах нет.

Н. Расторгуева. Спасенных нефтегорцев отправили в больницы Охи, Южно-Сахалинска, Хабаровска, Владивостока. Когда у меня дела принял Александр Георгиевич Тимченко, мэр Охи Наиль Салимович Ярулин сказал, что принимает мое состояние, но просит поработать заместителем Тимченко. И я еще 40 дней работала. 4 июня была создана комиссия из нефтегорцев, которая занималась установлением ущерба, составлением списков, кто из пострадавших и куда желает выехать, выдачей гуманитарной помощи, оформлением документов на вывоз имущества, скота, стройматериалов, проблемами захоронения и т. д. Многие можно сказать об учителе Ольге Овруцкой, работнице временно созданного почтового отделения Веры Силаевой. Ольга Петровна составляла списки живых и мертвых. Вера соединяла с другими городами, отправляла письма, телеграммы, давала сведения о больных. Вокруг поселка стояли блок-посты, и все очень строго контролировалось — проезд, провоз разрешались только по документам. Рядом с моим вагончиком работали ЗАГС и судмедэксперты. Кто-то косточки решил захоронить, а остатки не идентифицированы, и определить, кто это был, невозможно. Бегут ко мне, плачут, что в своей «квартире» их нашли, надо опознать. Успокаиваю. Иду к экспертам, уговариваю дать разрешение на похороны. Ведь человек хоть на могилку сможет ходить. Ну куда деваться, если многих погибших опознать трудно. Потом полетела

дежды, что кого-то еще спасут из завалов, почти не было, но спасатели не останавливали работу. Все мы были в Нефтегорске до последнего дня, пока не стало ясно, что все — живых в завалах нет.

А. Стародубцев. Точно, 29 мая. В этот день в 10 часов утра на заседании штаба у Фархутдинова был генеральный директор «Сахалинстроя» Куценко. После этого заседания он нас собрал и сказал, что прилетает Шойгу с командной спасательной. Развернули палаточный городок, жили на дачах, многие просто ночью костры жгли. Днем стояла жара, но ночью было очень холодно.

Н. Расторгуева. Да, я это хорошо помню. Людям ни одеться,

ни укрыться. Когда поступила первая гуманитарная помощь, мы своих людей-нефтегорцев привлекли, чтобы раздавать одежду и одеяла.

А. Стародубцев. У меня тоже одна из первых забот была, чтобы обеспечить спасателей теплом. И конечно, чтобы краны работали круглые сутки, была вода и еда. Спасатели работали очень интенсивно, нужно было хорошо кормить. Через пять дней подошла еще одна колонна большегрузных кранов, от 16 тонн и больше. Она тоже поступила под мое руководство. Работа шла круглые сутки, исключая час тишины. Тогда все затихало. Даже разговаривать было нельзя. Ходили только спасатели. Стучали по домам, кричали: «Отзовитесь, есть кто живой?».

На шестые-седьмые сутки на-

командировку в Хабаровск, где наши лечились в военном госпитале и городской больнице. Полетела, а документы забыла. В госпиталь трудно попасть. Только по пропускам. А у меня никакого удостоверения личности. Не знаю, как мне поверили и пропустили, я же была такая заматанная, что говорить толком не могла. Прошлая по палатам, поговорила с людьми, рассказала, кто жив, кто погиб. Многих видела в том госпитале последний раз. Не всех удалось спасти. Сына Сашу к этому времени мы отправили к сестре в Александровск-Сахалинский. А Александр Георгиевич умер на пятую годовщину гибели поселка. Многие ушли рано, ведь и радиация, и трупный яд действовали. А сколько я из-за аммиака бегала,

ше она не могла приехать — денег не было, а попросить у тех же нефтяников постеснялась. Сейчас, я думаю, не очень много народа будет. А вот на десятилетие все соберутся. Кладбища погибших находятся в Охе, Ноглики, Тунгоре. Но больше всего могил в Нефтегорске.

Завтра Наталья Васильевна Расторгуева подойдет к могиле старшей дочери Ирины. Молодая, красивая, она в ту страшную ночь танцевала в клубе на дискотеке. Младший, Саша, заканчивает 4-й курс института, и за него душа уже спокойна. Что вспомнить Наталье? Счастливые молодые годы в прекрасном поселке, друзья, чьи фамилии она заносила в списки мертвых и

списки живых, потому что это была самая важная в тот момент информация. У этих списков и в Нефтегорске, и в Охе всегда стояла толпа людей, чтобы узнать судьбу своих близких. Она редко говорит вслух о пережитом, и многие из знакомых даже не подозревают о ее утрате. В ночь нефтегорского землетрясения Наталья Васильевна смогла собрать свою волю в кулак. Орден «За мужество» II степени награждена она за Нефтегорск.

Александр Степанович Стародубцев идет на митинг памяти в областном центре. Хотя он и утверждает, что стресса у него не было, но это не так. Когда был захоронен в огромном котловане поселок, когда тишина не на час, а навсегда опустила на Нефтегорск, и он остался один в своем вагончике... Впрочем, не стоит говорить, какая мука порой терзает сердце. А были еще и разрушенные курьельские поселки, где тоже надо было проводить восстановительные работы, три дома для нефтегорцев, в одном из которых живет сейчас Наталья Васильевна Расторгуева, построил он в Южно-Сахалинске, будучи руководителем «Сахалинстроя».

Девять лет прошло. И вновь звучит смех, вновь без горечи можно смотреть на игры детей. Но как говорит А. Стародубцев, никто из его знакомых, прошедших через это испытание, ни он сам уже не станут прежними. Александр Степанович задумался, отвечая на мой вопрос, изменил ли его Нефтегорск, и ответил: «Все мы стали строже, серьезнее, может быть, даже суровее». Когда мы трое сидели за столом и разговаривали, я не узнала голоса этих двух давно знакомых людей. Они изо всех сил старались, чтоб голос не дрогнул, не выдал боль, которая осталась в памяти сердца.

На снимке: Н. Расторгуева, А. Стародубцев и заместитель руководителя автотранспортной В. Олейников (в центре).

лопули трубы холодильных установок на базе. Здоровье не выдерживало уже тогда, когда казалось, что все погасло.

А. Стародубцев. Обстановка была такая, что некогда ни в панику впадать, ни о себе думать. Надо было спасать людей. Я помню фамилию одного нефтегорца — Попов. У него из 20 родственников осталось двое. Как такому человеку помочь, чтобы не сломался, выстоял? Мы с ним очень долго беседовали, и это были нелегкие беседы. Помню, приехала инспекционная проверка из областного центра. Повел их по поселку. Там, где горели дома, на пожарище сидит старушка (уже после узнал, что этой женщине около 35 лет), а рядом кастрюлька с косточками и пеплом. Меня спрашивают, что это такое? Я отвечаю, что женщина искала родных. Кое-кому из приезжих стало плохо. Но они могли себе такие реакции позволить — приехали и уехали. А нам надо было собрать волю в кулак и работать. Каждый день надо было проходить мимо фабрики по подготовке мертвецов к захоронению. Свыше 2000 погибших. Одна женщина из brand-пойта обмывала, другая одевает, тут же длинные ряды гробов, в которые укладывают тела. Раскидали те, кто не был занят. Вот тогда начинали копаться в себе, в других.

Хотя не скрою, горько было. Мы жили с рядом с разрушенным клубом, где на дискотеке погибла молодежь. Когда стали его разбирать и извлекать из-под завала тела, пришла заведующая клубом Ермакова. Она рассказала, что хотела в полночь закрыть клуб, но подошла дочь и попросила: «Мамочка, можно я с друзьями еще немного потанцую...» А некоторые девчата вышли покурить и остались живы. Так тяжело было, что такие молодые, только в жизнь вступающие погибли.

Н. Расторгуева. Света Якозлева там была. Она сейчас в Хабаровске живет. В прошлую годовщину мы с ней встретились. Раньше

списки живых, потому что это была самая важная в тот момент информация. У этих списков и в Нефтегорске, и в Охе всегда стояла толпа людей, чтобы узнать судьбу своих близких. Она редко говорит вслух о пережитом, и многие из знакомых даже не подозревают о ее утрате. В ночь нефтегорского землетрясения Наталья Васильевна смогла собрать свою волю в кулак. Орден «За мужество» II степени награждена она за Нефтегорск.

Александр Степанович Стародубцев идет на митинг памяти в областном центре. Хотя он и утверждает, что стресса у него не было, но это не так. Когда был захоронен в огромном котловане поселок, когда тишина не на час, а навсегда опустила на Нефтегорск, и он остался один в своем вагончике... Впрочем, не стоит говорить, какая мука порой терзает сердце. А были еще и разрушенные курьельские поселки, где тоже надо было проводить восстановительные работы, три дома для нефтегорцев, в одном из которых живет сейчас Наталья Васильевна Расторгуева, построил он в Южно-Сахалинске, будучи руководителем «Сахалинстроя».

Девять лет прошло. И вновь звучит смех, вновь без горечи можно смотреть на игры детей. Но как говорит А. Стародубцев, никто из его знакомых, прошедших через это испытание, ни он сам уже не станут прежними. Александр Степанович задумался, отвечая на мой вопрос, изменил ли его Нефтегорск, и ответил: «Все мы стали строже, серьезнее, может быть, даже суровее». Когда мы трое сидели за столом и разговаривали, я не узнала голоса этих двух давно знакомых людей. Они изо всех сил старались, чтоб голос не дрогнул, не выдал боль, которая осталась в памяти сердца.

На снимке: Н. Расторгуева, А. Стародубцев и заместитель руководителя автотранспортной В. Олейников (в центре).